

О действиях авиации.
Из книги «Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев»
(изд. Новое литературное обозрение, 2015 г.)

Командарм 62А В. Чуйков о немецкой авиации

«...»

За сутки пяти минут времени не бывает, чтобы над твоей головой не летали 15-20 самолетов. Сплошная бомбежка, сплошная канонада. Все прижимается к земле. Выползают его танки, тут же, за ними, идут автоматчики. Самолеты пикируют на 40-50 метров. Карта Сталинграда у противника была, сигнализация с воздуха прекрасная. Взаимодействие у него было хорошо отработано. Но наши бойцы поняли, что чем ближе к противнику, тем лучше. Танков не стали бояться.

...

Что значит тысяча самолетов? Пять минут не бывало времени, чтобы над тобой не крутились 12-18-30 самолетов. И сбрасывают, сбрасывают. Настолько это вошло в привычку, что когда приносят суп кушать, то надо было ложкой осколки вынимать. Смотришь, осколки бомбы или камня, пока несут - попали.

В начале ноября самое страшное было — это Волга. Лед идет, река не останавливается. На лодках никакого движения нет. Бронекатера не могут пробиться, иначе говоря, подвоза нет. Самолетами дня три стали сбрасывать, причем могли сбрасывать только ночью, потому что днем показаться не могли. Самолетам трудно было сбрасывать, потому что настолько узкая полоска, что когда бросают, не знаю — не то на берег, не то к противнику, не то к нам. Прямо летит и кричит: «Эй, куда сбрасывать?» «У-2» в основном отличались. Мы поистрепались, боеприпасы на исходе. В боепитании были лимитированы и в питании были лимитированы. Дошли до последнего патрона, с отчаянием, но дрались.

...

В то же время мы считаем: можно было что-нибудь лучше сделать? Честное слово, нельзя. Где мы прохлопали? Тут я должен сознаться — это с нашими заводами. Несмотря на то что был приказ, были силы, туда посадили мы специальные саперные части, чтобы приготовить из них укрепленные пункты, но не согласовали эту работу, и не оказалось той стойкости, упорства, что дали нам немцы сейчас, несмотря на то что мы могли сделать их крепкими узлами сопротивления в городе. Что мешало сделать это частям, которые сидели в этих заводах? Это, несомненно, авиация противника. Когда не бомбили заводы, все хорошо строили, но когда начали бомбить, летели станки, крыши. Железобетон не выдерживал. Уходят с завода — могила готовая. Тем более если бы он бросал мелкие бомбы, а то летят пятитонки, тонки, броня, рельсы, это просто издевательство. Их больше всего бросали истребители — «мессера»

...»

о советской авиации

«...»

Я считаю, что противник по сравнению с нашими потерями понёс больше нас в 3-4 раза и в пехоте, и в танках, кроме самолётов. Противно было смотреть. Выплывет наш "сталинский сокол", только до Волги доходит, сразу выбрасывает бомбы. Летят они когда по своим, когда по ним, и обратно. А если начнётся карусель, то просто жалко становится, какое-то истребление младенцев получается. Ночью наша авиация работала хорошо. Наши У-2, кто их изобрел, это ценнейшее изобретение. У нас его называли КВ - король воздуха. Он ни черта не боится. А немцы какое уважение к ним имеют, это говорят, стоячая смерть. Бронебойная пуля их берет, но надо попасть. ...»

Капитан П. Зайончковский (специалист по пропаганде в немецких войсках) о советской авиации

«...»

Слабо дело обстояло с авиацией. В сентябре немцы, бесспорно, господствовали в воздухе в количественном отношении, да и действия нашей авиации были неважные. Наши самолеты часто бомбили не целясь. Бывали случаи, когда они бомбили не только наш передний край, но даже и командные пункты дивизий. 7 сентября 9 наших самолетов бомбили командные пункты 64-й и 231-й дивизий.

...»

Капитан Н.Аксенов о советской авиации

«...»

Но наши «Илы» хоть и появлялись, они имели большие потери. В то время «мессершмитты» их быстро сбивали. Большой урон немцам принесли наши У-2 по ночам, но это было уже в ноябре. Эти самолеты мы называли «огородниками», и они приносили большую пользу. Перелетая Волгу с левого берега на правый и, еще не долетая до линии обороны противника, они выключали мотор и начинали сваливать свой груз — бомбы, и только уходя сторону, включали мотор. Поэтому У-2 были неуловимы. Но и немцы так же бомбили нас ночью.

Помню, один раз мне надо было идти с мясокомбината на КП полка. Только вышли, как немцы повесили ракету и начали бомбить так, что дрожало все здание. Ночные бомбардировщики очень неприятно действуют, т.к. днем мы видим направление полета бомбардировщика, изучили, как падает бомба, и не впадали в панику от бомбежек — привыкли в конце концов.

Между прочим, над Сталинградом я впервые увидел наших штурмующих бомбардировщиков с «катушами», но они там редко появлялись. Вообще надо сказать, что авиации в Сталинграде было очень мало и слабая. Не знаю, отчего.

...»

Ст. лт. Барботько С.И. о немецкой авиации (патошинский десант)

«...»

На следующий день на позиции, где находились бронекатера, боезапас, топливо и канонерская лодка «Усыскин», немецкая авиация совершила налет. Один самолет спикировал на БК-41. Серия бомб разорвалась в расстоянии 15-20 метров. Три человека было выведено из строя (радист и два комендора). Это были потери, понесенные катером за время боевых действий под Сталинградом.

...»

Старшина 1 статьи Решетнюк И.К. о немецкой авиации (гибель бронекатера БК 34)

«...»

Немецкий самолет «мессершмитт», летавший над нашим катером и заметивший людей на палубе, спикировал и начал обстреливать из пулемета плавающих в воде людей и корабль. Волков был ранен вторично. И он прыгнул за борт. Самолет сделал еще разворот и опять обстрелял находившихся на воде краснофлотцев. Больше я не видел своих товарищей. Все они погибли. В результате обстрела была разбита ходовая рубка, повреждено антенное устройство. Катер лишился связи.

...»

Председатель Сталинградского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Пигалёв Д. М. о налётах немецкой авиации на Сталинград до 23 августа 1942 г.

«...»

Первый налет был в октябре месяце 1941 года в Кировском районе в Бекетовке. Наскочили три «Юнкерса», забросили они десяток бомб. Бомбы сбросили они около ж.-д. станции. Народ чувствовал себя довольно мирно, враг был далеко. На станции было большое скопление людей, поэтому мы имели несколько десятков жертв. Это были первые жертвы войны. Затем, в течение зимы, кроме одиночных, налетов не было. Был налет в апреле месяце 1942 года довольно крупный. В налете участвовало около 50 самолетов. Жертв имели очень немного. К этому времени была организована довольно сильная противовоздушная оборона зенитная, кроме нашей, местной. Много было зенитных установок, зенитная артиллерия была подтянута. Поэтому от этого налета больших разрушений не было, постройки не пострадали. Разрушено было несколько домиков небольших и несколько человек мы потеряли. Затем до июля каких-либо массовых налетов не было на город, но были отдельные небольшие налеты на Красноармейск. Обычно получалось так, когда тревогу объявят, редко бывала бомбежка. Обычно сбрасывали бомбы, когда тревога не объявлялась. Поскольку налеты вражеской авиации были часты, то мы условились, что при налете одиночных самолетов тревогу не объявлять, иначе весь город надо держать в тревоге, заводы, фабрики, какой ущерб можно нанести. Фабрики и заводы надо останавливать! Поэтому так и говорили, раз тревогу не объявили, можно сидеть спокойно. Своеобразно, но жизнь так складывается.

Так было, по существу, до 23 августа, когда было положено начало осаде города.

Солнечный день, все в порядке, город живет полнокровной жизнью, заводы на полном ходу.

Между прочим, надо заметить, что город мы не эвакуировали, хотя фронт подошел к Дону, а с юга он был ближе, чем Абганерово, но город не эвакуировали. И только недели за две до непо-

средственной осады города мы из города отправили несколько десятков тысяч женщин с детьми, не работающих на заводах. Работающих никого не отпускали, за исключением отдельных случаев. Город был весь в сборе. Все предприятия и учреждения были на полном ходу. И вот 23 августа. 23 августа было воскресенье. Так как выходные дни не соблюдались, то все были на работе. Хорошенький денек был. Было заметно, что на северо-западе от Сталинграда целый день противник производил бомбардировку пунктов, начиная от Паньшина, от Дона, Иловли, разъезд Конный, Городище и сюда сверху. Начал бомбить эти пункты с утра. Мы особенного значения этому не придавали и не обратили большого внимания. Я со своим заместителем Лебедевым выехал часов в 12 посмотреть, как строятся обводные дороги. ...Прошло часа три, пока мы ездили. В это время объявили воздушную тревогу. Авиация противника подошла близко к городу, но город не бомбила. Начала бомбить Орловку за Тракторным. Настроения были таковы, раз тревогу объявили — бомбить не будет. Это настроение и нам передалось. Мы с ним решили, раз тревогу объявили, сразу на КП не пойдем, а посмотрим, как по городу проходит тревога. Когда в КП сидишь, не все видно, только по донесениям можно судить, а так своими глазами посмотрим. Примерно с час в процессе тревоги мы поездили по городу. Потом приехали на КП. Я занял свое место — начальника МПВО, был заместитель. Эта публика проверенная. Заняли свои места и продолжаем сидеть. Более или менее в городе все спокойно. Город не бомбит. Я стал связываться с пунктами МПВО. Связь была не особенно хорошая. Я решил к ним сходить. Тревога длится два часа. Это уже было часов в пять вечера 23 августа
...»

Секретарь Ерманского районного комитета ВКП(б) г. Сталинграда Денисова К. С. о налёте 23.08.1942 г.

«...
Это был такой налет, какого никогда еще не было. Буквально было такое впечатление, что как будто бы все небо покрыто самолетами. Не было, казалось, ни одного местечка, где бы ни падали бомбы. Бомбежка началась часов в пять или в шесть. У нас загорелся в первую очередь завод 687 — завод массивных шин. Он только что был отстроен и не приступил еще к выпуску продукции. В этот же вечер загорелась часть домов, учреждений, загорелся стройтрест, загорелось депо железной дороги и сюда к Волге загорелись здания.
...»

Комендант Сталинграда майор Демченко В. Х.

«...
После первой бомбежки было убито около 10 тыс. человек. В эту цифру включаются и военнослужащие, которые сюда попали. В подвалах были завалены сотни людей. Я знаю, в некоторых подвалах сидели по две, по три сотни людей. В первый день бомбежки 37 самолетов сбили к вечеру. Представляете, сколько их было? По 20-30 самолетов на батарее зенитные пикировали для того, чтобы зенитные точки уничтожить
...»

Бывший рабочий завода «Баррикады», комендант штаба 38-й мотострелковой бригады лейтенант Зимин Алексей Яковлевич

«...
Основную бомбежку делал по заводам. Он вывел в это время на «Баррикадах» два цеха из строя. В остальные цехи прямого попадания не было, но стекла осыпались, крыши были сорваны. Прямым попаданием разбили школу ФЗУ завода «Баррикады». На Тракторном заводе 3 цеха вывели из строя 23-24 августа. После этой бомбежки люди кинулись наутек кто куда. Это возглавило заводское командование
...»

Главный инженер Сталинградского энергокомбината (Сталгрэс) Зубанов К. В. о налёте на Сталгрэс 4.11.1942

«...
4 ноября 1942 года.
... В 8 ч. 30 м. утра 4 ноября над станцией неожиданно распластали свои крылья фашистские стервятники. 49 «Ю-87» или, как мы их называем, «музыканты», начали систематически сбрасывать бомбы, имея своей целью разрушить нашу станцию. Каждый из этих 49 сделал по

несколько пикирований. Особенно неприятен был звук сирен. Я не верю людям, которые говорят, что можно привыкнуть, предположим, к артиллерийскому обстрелу, к бомбардировке, я не нахожу правды в этих словах. Любую бомбардировку или любой артиллерийский обстрел, по-моему, всякий переносит тяжело и болезненно, все дело только в том, насколько человек может обладать собой, насколько он не показывает вида своих переживаний, но большего, что я пережил в эти минуты, я еще не переживал. Очень часто я слышал, что красноармейцы не так боятся бомб, как боятся сирен пикирующего бомбардировщика. Я в этом убедился, что это сущая правда. Действительно, сирена, она так и выводит из строя людей. И вот, вы можете себе представить, что в это время творилось на станции. Люди выскакивали из постелей полураздетыми, бежали в убежища, некоторые бежали к агрегатам, чтобы привести их в состояние «готовности» к такой бомбардировке.

Бомбардировка продолжалась недолго — минут 20-25, но для нас это показалось вечностью. Когда самолеты улетели, мы вынуждены были признать исключительной силы результаты этой бомбардировки. Если до этого дня у нас не было ни одной серьезной жертвы, то в этот день их было больше двух десятков. Пострадало очень много агрегатов. И станция фактически была надолго выведена из строя с точки зрения ее эксплуатации.

...»